

**«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 12 (49) от 24 марта 2010 г.**

СМЫСЛ ВОЛЬНЫХ СТРОК

Герольд БЕЛЬГЕР

ПЛЕТЕНЬЕ ЧЕПУХИ

(ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ)

Меткая фраза из романа И.Щеголихи-на «Не жалею, не зову, не плачу»: «Он всегда будет прав со своим враньем, а ты никогда со своей правдой».

Я подумал: «Так и большие политики. Они всегда правы со своим враньем, а простой люд со своей правдой никогда». Власть всегда врет напропалую и неизменно права.

Вот, случается, слушаю «Хабар». Показывают депутатов, членов правительства, президентское окружение, общественных деятелей, разных ысай мен сысай, и все говорят исключительно по-русски (точнее, на казенном, сером, суконном, топорном, чиновничьем русском языке). И я обливаюсь потом от стыда. Ай, ненормально это, ненормально. Ну, как же так? Независимое, суверенное государство, а языка своего нет. И я, как никогда остро понимаю Шаханова. И мне передается его тревога. Все больше казахов, как он выражается, лишь по «мордию». Долго внедрялась в сознание надежда: мол, когда в стране казахи составят 80–85 процентов населения, то сам по себе войдет в силу и казахский язык. А пока, дескать, не стоит искусственно ускорять процесс казахизации общества. Годы проходят. Время летит. Нарождается новое безъязыкое поколение и, слушая повседневные передачи по ТВ, я, поклонник и радатель казахского языка, все более стал сомневаться в той самоутешительной надежде. Нет, не в том, что в стране казахов станет 80 – 85 процентов. Непременно станет! И довольно скоро. Но очень сомневаюсь в том, что эти 85 процентов казахов будут общаться на казахском. Ведь те, кому сейчас 70–80 лет, более склонны изъясняться по-русски. А их дети, внуки-правнуки по-казахски почти ни бельмеса не знают. Знание отдельных бытовых фраз для общения явно недостаточно. Для выражения каких-то мыслей – тем паче. Значит, в казахском обществе будут довлеть русскоязычные казахи. Они и сейчас главенствуют во всех сферах общественно-социально-культурного бытия.

С первого взгляда, в том, вроде, и особой трагедии нет. Пусть говорит хоть на шуршутском языке, лишь бы душой и сердцем осознавал себя казахом. Но, если вдуматься, суть трагедийна. Оказывается, душа и сердце подпитываются главным образом национальным языком. Дело стремительно идет к размыванию казахской ауры, коренной казахской ментальности, к перерождению нации. То есть в обществе всплывут казахи, которые к природным казахам имеют лишь отдаленное отношение. Это будут уже не столь казахи, сколько «американцы», «казахстанцы». Это будут казахи, обреченные выражать себя исключительно на чужом языке. И мне это видится серьезной бедой. Как быть? Что делать? Смириться с этим, как с

чем-то неизбежным? Наступил же конец в истории конно-кочевой цивилизации. Может, и подлинно казахское обречено на угасание?

Казахи, насквозь пронизанные русским духом, – все же не совсем казахи. Но не русские. Это нечто своеобразное, маргинальное, мутантное. Качественно особое явление. Я ни в коей мере не принижаю общественную и культурную значимость, личностную весомость русскоязычного казаха. Он, несомненно, в чем-то богаче своего природного, натурального соплеменника. Но в чем-то и беднее. И русскоязычный казах – казах. Но, несомненно, казах и еще что-то или кто-то. То, что казах отнюдь не исключение в таком странном, психофизическом превращении, – слабое утешение.

Я обитаю в казахской среде с 1941 года. Я прилично чувствую все подлинно казахское. И мне было бы очень любопытно знать, каким будет казах через тридцать-пятьдесят лет. Увы, знать мне это не дано. Но боюсь, что он очень сильно отойдет от той своей природной сути, запечатленной в казахском фольклоре, в казахской литературе, в творчестве Абая, Ауэзова и многих других славных сынов народа.

Смешно, конечно, но кое-что меня роднит со Львом Толстым.

16 июня 1909 года он пишет в дневнике: «Ходил через силу». И я, представьте, порою еле передвигаюсь. Особенно в пору обострения остеохондроза. 10 октября 1910 года Лев Николаевич записывает: «Тихо. Нет спокойствия». Ныне и я могу так сказать: «Вроде тихо. А спокойствия нет». Оглянешься вокруг, и выть хочется. 11 октября 1910 года Л. Н. пишет: «Летят дни без дела».

Поверьте: у меня такое же ощущение. И таких «сближений» сколько угодно. Разница «всего» лишь в том, что он граф Лев Толстой, а я всего-навсего потомок поволжского земледельца Герольд ибн Карл аль-Дивани. В смысле: все чаще обитаю на диване.

ИРОНИЧНЫЕ МЫСЛИ

УЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ СВОЕГО НАЧАЛЬНИКА?

Он желает казаться выше самого Всевышнего и в то же время рабски преклоняется перед похвалой подхалимов.

Он живет по принципу: «Пусть меня ненавидят, но лишь бы боялись».

Он страшно боится поставить умных людей на ключевые посты. Тут комментарии излишни.

Он решает проблемы в узком кругу ограниченных подчиненных.

Он ненавидит правду, потому что она делает его ненавистным.

Он азартен, как полуцивилизованный варвар.

Он отбывает пожизненное заключение в зиндане своего «Я».

Он хочет непременно начальствовать под предлогом, что не способен повиноваться.

Он часто выходит из себя, потому что не знает и не имеет другого выхода.

Он ахиллесову пяту укрыл в своей голове.

Он непобедим в споре, потому что ему не страшно быть глупым.

Он мечтает о таких деньгах, при которых деньги уже не нужны.

Он ни на что не годится, зато способен на все.

Он выигрывает не выборы, а подсчет голосов.

Он никогда не держал в руках грязных денег, всегда имел дело с отмытыми.

Он считает недоверие своей добродетелью.

Он с удовольствием читает некрологи известных личностей и каждый раз повторяет фразу: «Какой замечательный некролог! С таким бы жить и жить!»

Он больше доверяет бумаге, чем человеку.

Он домогается места под солнцем. Но никак в толк не берет, что солнце ежедневно уходит за горизонт.

Он хочет, чтобы что-нибудь произошло, и боится, как бы чего-нибудь не случилось.

Он достаточно легко меняет направление, чтобы ликвидировать отставание.

Он вообще не думает, когда не думает о себе.

Он приписывает судьбе все свои недостатки, ни одного успеха.

Он ценит не права, а привилегии.

Он вспоминает о друзьях только в тех случаях, когда сам попадает в беду.

Он кует свое счастье в чужой кузнице.

Он одинок, потому что вместо мостов строит стены.

Он и глупости говорит торжественным тоном.

Он никогда не бывает так занят, как в часы своего досуга.

Он не совершает ошибок, потому что за него думают подчиненные.

Он такой патриот своей родины, что жертвует чужой жизнью.

Он ради денег готов на все, даже на доброе дело.

Он начинает мстить раньше, чем его успели обидеть.

Он предпочитает поступающие в свой адрес анонимные письма другим письмам, т.к. на них не обязательно отвечать.

Он, если с кем-то заводит дружбу, заводит ее против кого-то.

Он готов отдать половину того, что у него есть, за то, чего у него нет.

Он всегда жаждет крови, но никогда не соглашается стать гнидой.

Он ошибается только раз, зато каждый день.

Он стыдится подлости, которую не довел до конца.

Он хвалит своих подчиненных за то, чего у них нет, и этим самым хочет получить от них то, что у них есть.

Он слишком дорого продает свое покровительство, поэтому никто и не считает себя обязанным платить ему признательностью.

Он иногда прощает ошибки подчиненных, но об этом часто напоминает.

Он пунктуально опаздывает на работу.

Он пунктуален, и все свои ошибки делает точно вовремя.

Он слышит лишь то, что понимает.

Амангельды КЕРИМТАЕВ,

г. Аягоз